

A woman with long, wavy brown hair and blue eyes is the central figure. She is wearing a white gown with intricate gold embroidery and lace. She has a gold necklace and large gold earrings. In the background, a man in a dark military uniform with gold epaulettes and a sword is visible. The setting appears to be a grand, ornate interior with chandeliers.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЛЮБИМАЯ
ГЕРЦОГИНЯ

Сергей Патрушев
Любимая Герцогиня

«Автор»

2026

Патрушев С.

Любимая Герцогиня / С. Патрушев — «Автор», 2026

Исторический роман с элементами драмы и мелодрамы. Королевство, эпоха рыцарства и придворных интриг. Алиса де Вальмонт — герцогиня, чья красота холодна, а разум острее клинка. Она не ищет любви, она коллекционирует власть. Пока король готов целовать подол её платья, а соперницы дрожат от одного её имени, Алиса плетёт интриги, разоряет дома и превращает врагов в рабов. За блеском триумфов скрывается ледяная пустота: всё достаётся слишком легко и даже месть перестаёт приносить удовольствие. В поисках силы она находит дневник бабушки, легендарной красавицы, научившейся управлять желаниями мужчин. Наследие рода становится ключом к абсолютной власти. Чем выше поднимается Алиса, тем яснее понимает: её золотая клетка — это она сама.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Король у моих ног	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Любимая Герцогиня

Глава 1. Король у моих ног

Золото и пламя. Таков был первый образ, который врезался в сознание Алисы, едва тяжелые, обитые медными листами двери Большого тронного зала распахнулись перед ней, повинаясь усилиям двух рослых гвардейцев в парадных кирасах. Сначала был именно свет — ослепительный, всепроникающий, многократно отраженный от начищенных до зеркального блеска мраморных плит пола, от позолоченных капителей колонн, от хрустальных подвесок бесчисленных люстр, свисающих с высоты, теряющейся в полумраке расписного потолка. Этот свет ударил в глаза, как физическая сила, заставляя на мгновение зажмуриться, но Алиса не позволила себе этой слабости. Она смотрела прямо перед собой, в самое сердце этого рукотворного солнца, и её серые глаза, холодные и бесстрастные, как лед зимнего озера, впитали этот блеск, не выказав ни малейшего неудобства.

Затем пришел звук. Гул сотен голосов, смешанный с мелодией виол и лютен, доносившейся с галереи для музыкантов, где расположился королевский оркестр, одетый в ливреи цветов правящего дома — алое с золотом. Этот гул был подобен шуму далекого прибоя, то накатывающего, то отступающего, и в этом шуме можно было различить отдельные ноты: взрывы мужского смеха, жеманные восклицания дам, звон бокалов, шелест шелковых юбок, постукивание каблучков по мрамору. Это была музыка придворной жизни — та самая, которую Алиса научилась слышать задолго до того, как научилась понимать её смысл. И сейчас эта музыка звучала для неё особенно сладко, потому что в ней уже начинали проступать ноты тревоги, вызванные её появлением.

И наконец — запах. Густой, многослойный, одуряющий аромат, сотканный из сотен компонентов, каждый из которых рассказывал свою историю. Горячий воск, стекающий по медным обручам люстр, оставлял в воздухе сладковатый, удушливый след. Вино, лившееся рекой, наполняло зал терпким, хмельным духом, смешанным с запахом свежее испеченного хлеба, жареного мяса, приправленного заморскими специями, и цитрусовых, привезенных из южных провинций. Благовония, купленные за баснословные деньги у восточных купцов, курились в бронзовых чашах, расставленных по углам зала, наполняя воздух тяжелым, сладким, почти гипнотическим ароматом сандала и мускуса. И поверх всего этого — запах человеческих тел, разгоряченных танцами, вином и азартом: мускус мужского пота, пробивающийся сквозь дорогие парфюмы, пудра, цветочные эссенции, которыми были пропитаны платья дам, и едва уловимый, но безошибочно узнаваемый запах страха, который источали те, кто понимал, что появление герцогини де Вальмонт не сулит ничего хорошего.

Алиса стояла на пороге, и мир за её спиной — прохладный, полутемный, дышащий спокойствием галереи, откуда она пришла, — казался бесконечно далеким. Перед ней был другой мир. Мир, который сегодня должен был стать её сценой. И она, актриса и режиссер в одном лице, знала, что каждая секунда этого вечера была расписана ею заранее, как партитура сложнейшей симфонии. Нужно было лишь следовать нотам.

Она задержалась в проеме на несколько ударов сердца, позволив тишине, которая, как круги по воде, начала расходиться от дверей, достичь своего апогея. Это была не случайная пауза, не минутное замешательство. Это был расчет. Точный, выверенный, основанный на глубоком понимании человеческой природы. Люди, особенно придворные, привыкли к постоянному шуму, к суете, к быстрой смене лиц и событий. Внезапная пауза, внезапное безмолвие,

вызванное чьим-то появлением, действовало на них сильнее, чем любые слова. Оно сигнализировало: произошло нечто важное. Нечто, на что стоит обратить внимание.

И они обратили.

Сначала взгляды обратили те, кто стоял ближе всего к дверям — младшие дворяне, оруженосцы, жены мелких баронов, надеявшиеся хоть краем глаза увидеть короля. Затем, словно подхваченная невидимой волной, волна тишины распространилась дальше, захватывая группы придворных побогаче и познатнее, пока наконец не достигла самых отдаленных уголков зала, где у стен, в тени колонн, прятались те, кто предпочитал наблюдать, а не быть наблюдаемыми. Через несколько мгновений, которые растянулись в вечность, в огромном зале воцарилась почти полная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечей и негромким шипением благовоний.

Музыканты, почувствовав перемену, сбились с такта. Лютнист взял неверную ноту, она прозвучала диссонансом в наступившей тишине, жалобно завибрировала в воздухе и замерла. Дирижер, толстый человечек с потным лицом, отчаянно замахал руками, пытаясь вернуть оркестр к жизни, но было уже поздно. Музыка умерла, и в этой смерти был свой символический смысл, который Алиса оценила с холодным удовлетворением. Даже королевский оркестр, обученный годами, подчинялся не своему дирижеру, а тому невидимому ритму, который задавала она.

Платье, стоившее годового дохода небольшого баронства, облегалo её фигуру, как вторая кожа. Оно было сшито из лучшего элизийского бархата, доставленного караваном из-за южных гор, где ткачи хранили секреты своего мастерства, передаваемые из поколения в поколение. Цвет платья был неуловим: при одном освещении оно казалось глубоко-черным, поглощающим свет, как беззвездная ночь, при другом — вспыхивало алыми искрами, словно в складках ткани был скрыт живой огонь. Этот эффект достигался благодаря особой технике ткачества, при которой в бархат вплетались тончайшие серебряные нити, окрашенные в темно-красный цвет. Алиса знала, что подобное платье стоило целое состояние и что ни одна другая женщина при дворе не могла позволить себе ничего подобного, как бы ни старались фаворитки короля выпросить у него денег.

Лиф платья, туго стягивающий талию до почти неестественной узости, был расшит крошечными гранатами, каждый из которых был огранен искусным ювелиром и вставлен в оправу из черного серебра. Эти камни, казалось, впитывали свет свечей и возвращали его, умноженным стократно, разбрасывая вокруг Алисы кровавые отблески. Рукава, узкие до локтя и расширяющиеся книзу, ниспадали почти до пола, открывая взорам изящные запястья, украшенные лишь одним браслетом — тонкой серебряной змейкой, обвивающей левую руку. Никаких других украшений на ней не было, если не считать диадемы, венчавшей её высокую прическу.

Диадема была тонкой, почти невесомой, выполненной из серебра и усеянной мелкими бриллиантами, но в центре её, прямо над переносицей, горел крупный рубин, размером с перепелиное яйцо. Этот камень был фамильной реликвией рода де Вальмонт, передаваемой из поколения в поколение, и о нем ходили легенды. Говорили, что он был привезен из далеких восточных земель еще во времена крестовых походов и что в нем заключена капля крови первого герцога де Вальмонта, павшего в битве с неверными. Говорили, что камень меняет цвет в зависимости от настроения своей владелицы. Говорили, что он приносит удачу в делах и несчастье в любви. Алиса не верила в легенды, но ценила их полезность. Легенды делали её загадочной, а загадочность была одним из главных её оружий.

Её темные, почти черные волосы были уложены в высокую замысловатую прическу, для создания которой камеристке потребовалось более двух часов. Локоны, перевитые серебряными нитями, вздымались над её головой, создавая впечатление короны, более величественной, чем те золотые обручи, которые носили члены королевской семьи. Несколько прядей, выбившихся из прически, обрамляли лицо, подчеркивая его скульптурную бледность. Алиса

никогда не пользовалась румянами, считая их уделом женщин, которым нечего показать, кроме искусственной свежести. Её кожа была бледной, почти прозрачной, и на её фоне темные брови и светло-серые глаза казались нарисованными искусной рукой художника.

Она не была красива в том приторном, кукольном смысле, который так ценился при дворе, где женщины старались походить на фарфоровые статуэтки, румяные, пухленькие, с вечно удивленно распахнутыми глазами. Её красота была иной: острой, опасной, как лезвие хорошо заточенного клинка, который кажется хрупким, но способен рассечь плоть до кости. Высокие скулы, словно высеченные из мрамора, придавали её лицу выражение вечной надменности. Бледные, твердо очерченные губы, на которых застыла легкая, едва уловимая полуулыбка, могли в равной степени выражать презрение, насмешку или холодное удовлетворение. И глаза — холодные, светло-серые, как лед на зимнем озере, — глаза, которые, казалось, видели каждого насквозь, взвешивали, оценивали и выносили приговор, не подлежащий обжалованию.

Она медленно, с достоинством истинной герцогини, переступила порог. Её туфельки из серебристой парчи с мягкими кожаными подошвами бесшумно ступали по гладкому мрамору пола, но каждый её шаг, казалось, отдавался эхом в сердцах присутствующих. Она шла через расступающуюся толпу, как нож сквозь масло, не глядя по сторонам, но прекрасно осознавая, какое впечатление производит. Взгляд её серых глаз был устремлен вперед, к возвышению, где на массивном, украшенном позолоченными львами троне восседал король. Она шла так, как ходят королевы: не спеша, с прямой спиной, с высоко поднятой головой, и в каждом её движении сквозило сознание собственного превосходства, не нуждающегося в доказательствах.

Алиса знала, что каждый жест, каждый взгляд, каждый поворот головы сегодня будет оценен, обсужден, разобран на мельчайшие детали десятками пар глаз, жаждущих увидеть её падение. Она знала, что среди этих разряженных павлинов и пав есть те, кто желает ей смерти, кто мечтает увидеть её униженной, растоптанной, изгнанной из двора в позоре. И именно это знание наполняло её холодной, безжалостной энергией, заставляло её спину быть еще прямее, а взгляд — еще холоднее. Ненависть врагов была для неё лучшим источником силы. Она питалась ею, как другие питаются хлебом и вином.

Генрих IV. Король, чье имя совсем недавно заставляло трепетать северных варваров, а теперь, после громкой победы, было у всех на устах. Мужчина, который должен был являть собой образец несокрушимой мощи и божественной воли, посланник небес на земле, защитник веры и отец своего народа. Алиса смотрела на него и испытывала нечто среднее между удовлетворением и скукой. Это был статный, широкоплечий мужчина в расцвете лет, с окладистой темно-русой бородой, в которой уже проглядывала первая седина, и глазами цвета темного янтаря, которые могли быть и теплыми, и опасными, как у хищного зверя. Его камзол из золотой парчи, расшитый геральдическими львами, сидел на нем идеально, подчеркивая мощную фигуру воина, привыкшего к доспехам. На груди, поверх тяжелой золотой цепи, покоился большой медальон с гербом королевства — лев, держащий в лапе меч. Этот медальон был символом королевской власти, напоминанием о том, что перед тобой не просто человек, но помазанник божий, чье слово — закон.

Он был сама величественность. Сама королевская стать. И именно это делало его падение для Алисы столь сладостным. Видеть, как этот могучий мужчина, перед которым склонялись армии и трепетали враги, превращается в послушного раба, готового исполнить любую её прихоть, — в этом было особое, ни с чем не сравнимое удовольствие. Удовольствие, ради которого стоило жить.

Король был мужчиной, который привык побеждать. На поле боя ему не было равных, его армии сокрушали врагов одну за другой, расширяя границы королевства до небывалых пределов. В делах государственных он был решителен и тверд, не боясь принимать непопулярные решения и карать непокорных с беспощадностью, которую одни называли справедливостью, а

другие — жестокостью. В постели он был неутомим, и его любовные похождения были предметом бесконечных пересудов при дворе и за его пределами. Казалось, не было силы, способной заставить этого человека склониться. И все же такая сила нашлась. И эта сила была здесь, в этом зале, в облике хрупкой женщины с холодными серыми глазами.

Рядом с королем, на таком же роскошном, но стоящем на полшага ниже троне, восседала королева Маргарет. Бледная, худощавая женщина с поджатыми губами и глазами, полными вечного, застывшего неодобрения. Её платье из серебристо-голубого шелка, расшитое жемчугом, должно было символизировать чистоту и благородство, но на фоне Алисы оно казалось выцветшим и безнадежно устаревшим. Королева была супругой короля более пятнадцати лет, исправно рожала ему наследников и стойко терпела его бесконечные измены. Она была как драгоценный, но скучный гобелен на стене — вещь, которую все уважают, но никто не замечает.

За эти годы Маргарет научилась искусству королевского терпения — особому виду стоицизма, который позволял ей сохранять ледяное спокойствие, даже когда король на её глазах флиртовал с очередной фрейлиной. Она научилась улыбаться, когда хотелось кричать, молчать, когда хотелось обрушить на неверного супруга поток проклятий, и делать вид, что не замечает, когда хотелось вцепиться ногтями в лицо сопернице. Но сегодня всё её многолетнее искусство подверглось испытанию, какого она еще не знала. Потому что Алиса была не просто очередной фавориткой, одной из многих, кто приходил и уходил, оставляя после себя лишь смутные воспоминания и легкую горечь. Алиса была угрозой. Угрозой самому её положению, её власти, её будущему. И Маргарет, с её обостренным чутьем женщины, вечно живущей в тени мужа, чувствовала это с безошибочной точностью.

Алиса заметила, как при её появлении пальцы королевы, унизанные перстнями, еще сильнее впились в подлокотники трона. Её губы, и без того тонкие, сжались в едва заметную белую полоску. Взгляд, которым она окинула герцогиню, был полон такого концентрированного яда, что, будь у ненависти материальная сила, Алиса упала бы замертво на месте. Но этот взгляд не испугал её. Напротив, он доставил ей извращенное, почти физическое удовольствие. Видеть, как королева, эта надменная, вечно недовольная женщина, задыхается от бессильной злобы, было для Алисы слаще самой изысканной музыки.

— Смотри, Ваше Величество, — мысленно обратилась к ней Алиса, грациозно склоняя голову в положенном этикетом поклоне, который вышел едва ли не оскорбительно небрежным. — Смотри и учись. Твой трон, твоя корона, твой муж — всё это пыль. И я могу развеять её одним дуновением.

Она знала, что королева не может слышать её мыслей, но в этот момент ей казалось, что между ними установилась незримая связь, позволяющая им общаться без слов. И она знала, что королева поняла её послание. Поняла и возненавидела её еще сильнее.

Но главное представление только начиналось. Алиса выпрямилась и посмотрела прямо в глаза королю. На какое-то мгновение их взгляды встретились: его — жадный, восхищенный, полный плохо скрываемого желания, и её — холодный, отстраненный, слегка насмешливый. И в этом безмолвном поединке, длившемся не более удара сердца, она одержала сокрушительную победу. Она видела, как в его глазах что-то дрогнуло, как на его лице отразилась та особая смесь растерянности и восторга, которая появляется у мужчины, встретившего женщину, способную не поддаться его обаянию. Эта смесь была ей хорошо знакома. Она видела её в глазах многих мужчин, пытавшихся покорить её, — от юных пажей до убежденных сединой герцогов. И она знала, что именно в этот момент — момент, когда мужчина понимает, что не может завоевать женщину силой или статусом, — начинается его истинное падение.

Генрих, забыв об этикете, о церемониале, о стоящей рядом жене, о сотнях придворных, наблюдающих за каждым его жестом, резко поднялся с трона. Это движение было настолько внезапным, настолько противоречащим всем правилам придворного поведения, что по залу

пронесся удивленный, почти испуганный вздох. Придворные, привыкшие к строгой регламентации королевских приемов, к тому, что каждый жест монарха выверен и просчитан, не могли поверить своим глазам. Король, их король, победоносный воитель, только что вернувшийся из триумфального похода, встал с трона посреди приема и, как простой рыцарь, отправился через весь зал, чтобы поприветствовать женщину.

Никто не смел даже шелохнуться. Все взгляды были прикованы к королю, который, словно загипнотизированный, начал спускаться по ступеням, ведущим к возвышению. Его шаги, тяжелые и уверенные, гулко отдавались в наступившей тишине. Каждый шаг звучал как удар молота, забивающего гвоздь в крышку гроба королевского достоинства. И все это понимали. Понимали и не могли отвести глаз, завороченные этим зрелищем, этим публичным актом самоунижения, которого никто из них не ожидал и не мог предвидеть.

Алиса не двинулась с места. Она стояла посреди зала, одинокая и неприступная, как скала в бушующем море, и спокойно наблюдала за приближением самого могущественного человека в королевстве. На её лице не дрогнул ни один мускул. Её поза была непринужденной и в то же время исполненной того особого достоинства, которое невозможно подделать или скопировать. Она ждала, но это было ожидание не просительницы, трепещущей перед монаршей милостью, а госпожи, снисходящей до принятия поклонения от своего вассала.

Это была не дерзость и не вызов. Это было нечто более утонченное и потому абсолютно уничтожающее — ледяное, королевское равнодушие. Алиса не пыталась привлечь внимание короля, не кокетничала, не заигрывала. Она просто стояла, существовала, и само её существование, казалось, обладало магнетической силой, против которой не мог устоять даже самый могущественный монарх. Она была как северная звезда, неподвижная и холодная, а король — как корабль, сбившийся с курса и неумолимо влекомый к ней, не в силах сопротивляться.

Толпа расступалась перед королем, как перезревшие колосья перед серпом. Придворные прижимались друг к другу, стараясь отойти как можно дальше, но в то же время не упустить ни единого мгновения этого невиданного зрелища. Шорох шелковых юбок, звон украшений, приглушенный шепот — все это сопровождало продвижение Генриха через зал, создавая особый звуковой фон, похожий на шум ветра перед грозой.

Он прошел через весь зал, отделявший его от Алисы, и остановился прямо перед ней. Близко. Так близко, что она чувствовала исходящий от него жар, смешанный с запахом вина и дорогого масла для бороды. Он был высок, ей пришлось чуть поднять подбородок, чтобы встретить его взгляд. В его глазах она увидела отражение собственного лица — бледного, невозмутимого, с легкой полуулыбкой на губах.

— Герцогиня де Вальмонт, — произнес он, и его голос, низкий, с легкой хрипотцой, прозвучал в тишине как-то слишком интимно, словно был предназначен только для неё. — Вы почтили нас своим присутствием.

В его голосе было столько неприкрытого восхищения, столько мальчишеской радости, что это могло бы тронуть сердце любой другой женщины. Но не её. Никогда — не её. Алиса слушала этот голос, этот глубокий, бархатный баритон, который мог быть таким властным на поле боя и таким нежным в спальне, и не чувствовала ничего, кроме холодного удовлетворения. Это был голос мужчины, который уже проиграл, сам того не осознавая.

— Разве могла я пропустить торжество, восхваляющее славу Вашего Величества? — ответила Алиса, и её голос, чистый и холодный, как звон хрустального колокольчика, был лишен всякого почтения, но полон светской любезности. Она снова едва склонила голову, и в этом жесте, невероятно изящном, было столько же уважения, сколько в снисходительной улыбке учителя, хвалящего старательного, но не очень способного ученика.

Каждое её слово, каждый жест были рассчитаны с точностью до мельчайшей детали. Она не говорила ничего, что можно было бы считать прямым оскорблением, но сам тон, сама манера, в которой она произносила эти вежливые фразы, создавали впечатление, что она оказывает

королю величайшую милость, просто разговаривая с ним. Это было искусство, которому она училась годами, — искусство быть выше всех, даже когда формально ты стоишь ниже.

Король, казалось, не заметил её тона. Или сделал вид, что не заметил. Его лицо озарилось улыбкой, которая могла бы растопить ледяное сердце любой другой женщины при дворе. Эта улыбка — открытая, искренняя, полная тепла и восхищения — была одним из его главных оружий, тем самым, которое он использовал, когда хотел завоевать чье-то расположение. Но Алиса видела эту улыбку насквозь. Она знала, что за ней скрывается: не любовь, не страсть, а лишь желание обладать, желание покорить, желание добавить еще один трофей в свою коллекцию побед. Она знала это, и потому его улыбка не вызывала в ней ничего, кроме легкого презрения.

— Это мы должны быть польщены, — произнес он, и, к неописуемому ужасу и восторгу зрителей, Генрих IV, король, помазанник божий, медленно, с достоинством, но при этом невероятно унижительно для своего сана, склонился. Алиса знала, что он сейчас сделает. Весь вечер вел к этому моменту. Но даже она, привыкшая к его слабостям, ощутила легкий, трепетный холодок торжества, когда он взял край её платья, свисающий с подола, и, поднеся к губам, запечатлел на нем долгий поцелуй.

Это был не просто жест галантности. Это был ритуал, жест слуги, пажа, но никак не короля. Целовать край платья дамы — так мог поступить рыцарь, просящий благосклонности у своей госпожи. Так мог поступить вассал, приносящий клятву верности своему сюзерену. Но для короля, в присутствии его супруги, всего двора... Это был акт публичного унижения самого себя и возвеличивания Алисы на небывалую высоту. Высоту, с которой падать было бы смертельно.

Алиса стояла неподвижно, словно мраморное изваяние, позволяя ему этот жест. Она не покраснела от смущения, не опустила глаза, не попыталась его остановить. Она лишь медленно, с выражением скучающего удовлетворения, обвела взглядом зал, задерживаясь на лицах тех, кто был особенно ей ненавистен. Именно в этот момент она и увидела их.

Справа, у одной из колонн, стояла леди Кэтрин, молодая вдова с волосами цвета меди и глазами испуганной лани. Раньше, еще год назад, именно она была фавориткой короля, засыпавшей его письмами и подарками. Тогда Алиса наблюдала за ней со стороны, отмечая про себя каждую её ошибку, каждый промах, каждое проявление слабости. Кэтрин была красивой нежной, трогательной красотой, которая пробуждает в мужчинах желание защищать. Её большие карие глаза, обрамленные длинными ресницами, могли наполниться слезами в самый нужный момент, а её нежный голосок, похожий на щебетание птички, заставлял сердца мужчин таять. Но за этой ангельской внешностью скрывался расчетливый и алчный ум, стремящийся к одной цели — выгодному замужеству или, на худой конец, щедрому содержанию от королевского двора.

Сейчас её хорошенькое личико исказилось гримасой бессильной ярости. В её глазах, устремленных на Алису, горел такой концентрированный яд, что, будь у ненависти материальная сила, герцогиня упала бы замертво на месте. Кэтрин, вероятно, надеялась, что после возвращения короля с войны она сможет вернуть его расположение, вновь занять место фаворитки, вновь почувствовать себя королевой, пусть и некоронованной. Но появление Алисы разрушило все её планы. И теперь она стояла у колонны, вцепившись побелевшими пальцами в складки своего розового платья, и не могла отвести глаз от зрелища, которое было для неё хуже пытки.

Алиса лишь слегка приподняла бровь. Музыка, не иначе. Она уже забыла о Кэтрин, как забывают о надоевшей мелодии, которая когда-то была модной, но давно вышла из моды. Бедная девочка, думала она. Ты даже не понимаешь, что проиграла не вчера и не сегодня, а в тот самый момент, когда поверила, что можешь удержать короля одними лишь слезами и вздохами. Мужчины, подобные Генриху, не любят слабых. Они любят тех, кто заставляет их чувство-

вать себя сильными, но при этом всегда остается чуть-чуть недосягаемым. А ты была слишком доступной. Слишком предсказуемой. Слишком... обычной.

Чуть поодаль, окруженная сворой своих поклонников, стояла баронесса де Ларамии. Румяная, смешливая, вульгарно-жизнерадостная особа, которая цеплялась за уходящее влияние короля с отчаянием утопающего. Она была одной из тех женщин, которые не обладают ни умом, ни тактом, но компенсируют это избытком плоти и энергии. Её смех, громкий и раскатистый, был слышен в самых отдаленных уголках зала, а её наряды, всегда чересчур яркие и вызывающие, служили предметом насмешек для тех, кто понимал толк в моде. Но баронесса, казалось, не замечала этих насмешек. Она жила в собственном мире, где она была королевой, а все остальные — лишь статистами, призванными восхищаться её красотой и остроумием.

Сейчас, однако, её обычная жизнерадостность исчезла без следа. Она смотрела на сцену поцелуя с откровенной ненавистью, её побелевшие пальцы комкали кружевной платок, а на щеках, обычно покрытых здоровым румянцем, выступили багровые пятна. Она была унижена, растоптана, низвергнута с пьедестала, который сама для себя воздвигла. И в этот момент она была готова убить Алису собственными руками, если бы только посмела.

Алиса скользнула по ней равнодушным взглядом. Пустое место. Баронесса была слишком глупа, чтобы представлять хоть какую-то опасность. Её ненависть была подобна шипению раздавленной змеи — громкой, но беззубой. Она могла строить козни, распускать сплетни, пытаться отравить жизнь Алисы мелкими пакостями, но не была способна на нечто большее. Её хватало лишь на то, чтобы быть раздражающим фоном, и не более.

Но был и еще один взгляд. Он жег затылок, заставляя кожу холодеть. Алиса не видела его обладателя, но кожей чувствовала его присутствие. Там, на галерее для музыкантов, в тени, скрытый от большинства глаз, стоял человек, которого при дворе называли серым кардиналом. Советник, кукловод, тот, кто на самом деле дергал за ниточки, пока король упивался славой и женщинами. Его имя редко произносили вслух, а если и произносили, то шепотом, оглядываясь по сторонам. Он был тенью короля, его невидимой рукой, его тайным оружием в бесконечной борьбе за власть.

Этот взгляд не был полон ненависти. В нем было нечто куда более опасное — холодный, оценивающий расчет. Так смотрит хирург на пациента, решая, где сделать первый надрез. Так смотрит охотник на дичь, прикидывая расстояние до цели и направление ветра. Этот взгляд говорил: я вижу тебя, я изучаю тебя, я знаю, чего ты хочешь. И я решу, будешь ли ты жить или умрешь.

Алиса почувствовала, как её спина на мгновение напряглась, но она не позволила себе обернуться. Врагов нужно видеть в лицо, но страх перед ними нельзя показывать никогда. Она сделала едва заметное движение плечами, стряхивая с себя это неприятное ощущение, и снова обратила свой взгляд на короля, который как раз начал подниматься после поцелуя. Но мысль о сером кардинале осталась где-то на периферии её сознания, как заноза, которую невозможно вытащить.

Она знала, что рано или поздно ей придется столкнуться с этим человеком лицом к лицу. Знала, что он представляет собой гораздо более серьезную угрозу, чем все фаворитки вместе взятые. И знала, что в этой борьбе не будет места для ошибок. Но сейчас, в этот момент триумфа, она не позволяла мыслям о будущем омрачать настоящее. Будущее подождет. А настоящее принадлежало ей.

Король наконец выпрямился. Его щеки слегка покраснелись, а в глазах плясали опасные огоньки. Он, очевидно, был собой доволен. Бедный, глупый лев, думающий, что это он охотится на лань. Ему не приходило в голову, что лань может оказаться волком в овечьей шкуре, а охота — ловушкой, из которой нет выхода.

— Надеюсь, герцогиня, вы не откажете мне в удовольствии разделить со мной этот вечер? — спросил он достаточно громко, чтобы это услышали ближайшие придворные.

— Я целиком во власти Вашего Величества, — ответила Алиса, но её тон подразумевал совершенно обратное. — Как и все в этом королевстве.

Она снова бросила мимолетный взгляд в сторону трона, где сидела королева. Маргарет, казалось, окаменела. Её лицо было бледнее мела, а глаза, устремленные на мужа и его любовницу, были полны такой лютой, ледяной ненависти, что это могло бы сравниться с самой зимней стужей. Она была унижена публично, при всем дворе, в день триумфа её мужа. Алиса могла почти слышать, как в голове королевы со скоростью крыльев летучей мыши проносятся мысли о ядах, кинжалах и падениях с лестниц. Это было... предсказуемо. И немного утомительно.

Алиса знала, что королева не станет действовать открыто. У неё не хватит на это смелости. Маргарет принадлежала к тому типу женщин, которые предпочитают действовать исподтишка, через слуг, через доверенных лиц, через подметные письма и анонимные доносы. Она будет плести интриги, распускать слухи, пытаться настроить против Алисы других придворных. Но всё это было лишь мелкой возней, недостойной внимания. Алиса была готова ко всему этому. Более того, она была готова отвечать — и её ответы должны были быть такими, чтобы королева пожалела о том дне, когда решила встать у неё на пути.

Она приняла руку короля, и он повел её через зал. Толпа, всё еще пребывающая в состоянии шока, расступалась перед ними. Музыканты, опомнившись, снова заиграли, но теперь их мелодия казалась неуверенной, сбивчивой, оттеняющей общее напряжение, повисшее в воздухе. Король вел её намеренно медленно, давая всем возможность лицезреть их вместе. Он то и дело наклонялся к ней, что-то говорил вполголоса, шутил, смеялся. Его глаза сияли, он был похож на юнца, впервые вкусившего запретный плод. Алиса отвечала сдержанно, коротко, порой достаивая его легкой, ничего не значащей улыбкой. Она играла роль. Роль, которую написала для себя сама.

Роль женщины-загадки, женщины-мечты, женщины, которую невозможно завоевать до конца, но которую невозможно и забыть. Каждое её слово, каждый жест были рассчитаны на то, чтобы поддерживать в короле постоянное напряжение, постоянное чувство неуверенности, постоянное желание заслужить её благосклонность. Она не давала ему ни минуты покоя, но в то же время не отталкивала его окончательно. Она была то холодна, то снисходительно-ласкова, то недоступна, то почти нежна. И эта игра, этот танец на грани, действовал на короля сильнее, чем любые любовные зелья.

Ей было скучно. Все эти игры, интриги, взгляды, перешептывания... Она прошла через всё это. Она была дочерью и женой, её использовали как разменную монету в политических союзах. Она похоронила мужа, старого, но влиятельного герцога, и после его смерти оставила себе его имя, его земли и его власть. Она познала вкус богатства и вкус тлена. И теперь, стоя на вершине, она хотела лишь одного — абсолютной, ничем неограниченной власти. Власти, которая не зависит от прихоти короля, от интриг советника, от ненависти фавориток. Власти, которая исходит из неё самой, как свет исходит от солнца.

Она вспомнила свою жизнь до того, как стала герцогиней. Вспомнила себя девочкой, живущей в холодном, продуваемом всеми ветрами замке на севере королевства, дочерью обедневшего дворянина, мечтающего выдать её замуж повыгоднее. Вспомнила, как её, семнадцатилетнюю, выдали за герцога де Вальмонта, человека, который был старше её отца и который смотрел на неё не как на жену, а как на еще одну вещь, приобретенную для украшения его коллекции. Вспомнила годы замужества, наполненные скукой, унижениями и тихой ненавистью. Вспомнила смерть герцога — неожиданную, таинственную, вызвавшую много толков, — и ту свободу, которая пришла вместе с его кончиной.

Теперь она была свободна. Свободна и могущественна. У неё были земли, деньги, связи. У неё был титул, открывавший перед ней двери любого дворца. И у неё был разум — острый, холодный, способный просчитывать ходы на десять шагов вперед. Всё это было оружием, которое она намеревалась использовать для достижения своей цели. А цель была проста: стать

самой могущественной женщиной в королевстве, той, перед кем склоняются короли и трепещут министры. И этот вечер был лишь очередным шагом на пути к этой цели.

Каждым своим жестом она вбивала клин между королем и его двором, между королем и его женой, между королем и его разумом. Она окружала его собой, своей аурой холода и недоступности, заставляя его желать всё большего. Она делала его слабым, зависимым, послушным её воле. И она знала, что однажды наступит момент, когда она сможет попросить у него всё, что захочет, и получить это без малейших возражений.

Часы тянулись, как расплавленный воск. Танцы, разговоры, фальшивые улыбки. Алиса с ледяной грацией исполняла ритуалы придворной жизни. Она танцевала с королем, чувствуя на себе его жадные, горячие руки, лежащие на её талии чуть ниже дозволенного. Она обменивалась колкостями с герцогом Бофором, старым интриганом, который пытался прощупать почву для возможного союза. Она выслушивала льстивые речи младших дворян, жаждущих её благосклонности. И всё это время она наблюдала. За каждым. За королевой, которая так и не покинула трон, словно боясь, что стоит ей встать, и она потеряет последние остатки достоинства. За леди Кэтрин, которая в отчаянии пыталась флиртовать с молодым графом де Монтре, но её взгляд то и дело возвращался к королю, полный тоски и злобы. За советником, чья темная фигура больше не появлялась на галерее, но чье присутствие ощущалось повсюду, как невидимая паутина.

Каждый из них был звеном в цепи, которую Алиса намеревалась разорвать. Каждый представлял собой угрозу или, по крайней мере, потенциальное препятствие на её пути. И каждый из них требовал особого подхода, особой стратегии, особого оружия. Королева — холодная, расчетливая, но предсказуемая. Фаворитки — завистливые, глупые, но способные на подлость в своем отчаянии. Советник — загадочный, опасный, непредсказуемый. Против каждого из них нужно было действовать по-своему.

Королеву следовало нейтрализовать, лишив её влияния на короля и на двор. Фавориток следовало раздавить, показав всем, что их время прошло. А советника... С советником было сложнее всего. Алиса знала, что он — самый опасный из всех. Он был умен, опытен и не имел слабостей, на которых можно было бы сыграть. Единственный способ победить его — это стать сильнее его. И Алиса намеревалась сделать это, чего бы это ни стоило.

Кульминация наступила поздно вечером, когда вино уже разгорячило кровь мужчин, а женщины стали более раскованны. Король, окруженный стайкой придворных, всё чаще искал Алису глазами. Она, сидя на стуле с высокой резной спинкой, лениво обмахивалась веером из страусовых перьев. Ей было откровенно скучно. Она устала. Она хотела остаться одна, чтобы обдумать следующий шаг, но правила игры не позволяли ей уйти раньше, чем это будет сочтено оскорблением.

Веер был произведением искусства. Его каркас был сделан из резной слоновой кости, а перья страуса, окрашенные в глубокий черный цвет, были столь нежны и воздушны, что, казалось, взлетят при малейшем дуновении. Алиса вращала веер в руках, то раскрывая, то закрывая его, и эти движения, казалось, обладали гипнотической силой, приковывая взгляды всех, кто находился поблизости. Она знала, что веер — не просто аксессуар, но инструмент, с помощью которого можно передавать тайные сигналы, выражать чувства, которые не подобает выражать словами. И она владела этим инструментом в совершенстве.

Именно в этот момент к ней подошел королевский паж — совсем юный мальчик, чьи щеки пылали от смущения и важности поручения. Он был одет в ливрею королевского дома, а на его поясе висела короткая шпага, скорее декоративная, чем боевая. Было видно, что он недавно начал свою службу при дворе и еще не привык к его обычаям.

— Герцогиня, — пролепетал он, низко кланяясь. — Его Величество просит узнать, не желаете ли вы чего-нибудь? Может быть, воды или легкого вина?

Алиса на мгновение задумалась. Она подняла глаза и встретила взглядом с Генрихом. Он смотрел на неё с выражением щенячьей преданности и нетерпеливого обожания. В его глазах читался немой вопрос: «Ну как? Я всё делаю правильно? Ты довольна?». Это было почти трогательно, если бы не было так жалко. Король, могущественный владыка, победитель варваров, превратился в услужливого пажа, готового исполнить любой каприз своей госпожи. И он, казалось, наслаждался этой ролью.

И в этот момент в её голове, словно эхо, прозвучал голос королевы Маргарет, который она слышала сегодня случайно, проходя мимо часовни: «...эта выскочка ничем не лучше уличной девки. Ей не сломить наш род». Эти слова были произнесены шепотом, но Алиса обладала острым слухом, и ни одно слово не ускользнуло от неё. Тогда она лишь улыбнулась про себя, но сейчас, в этот момент, эти слова всплыли в памяти с новой силой, наполняя её холодной решимостью.

А затем в памяти всплыл образ скрытого в тени советника, его холодный, оценивающий взгляд. Они все видели в ней угрозу. Они все ждали, что она оступится. Они все желали её падения. И они все боялись её. Боялись, потому что чувствовали: она сильнее их. Сильнее, потому что ей нечего терять.

Медленно, очень медленно, она закрыла веер. Её лицо оставалось безучастным. В голове её созрел план, дерзость которого могла бы шокировать даже самых искушенных в интригах придворных. Но Алиса не боялась дерзости. Она боялась лишь одного — упустить момент.

— Передайте Его Величеству, — произнесла она намеренно громко, так, чтобы её слова достигли ушей ближайших придворных, — что я действительно хочу пить. И я была бы чрезвычайно польщена, если бы он лично поднес мне бокал лучшего вина из королевских погребов.

На мгновение паж остолбенел. Он уставился на неё круглыми от ужаса глазами, не в силах поверить в услышанное. Просить короля, в разгар его собственного приема, прислуживать госте, словно простому слуге? Это было немыслимо. Это было оскорбление, вызов, безумие. Юноша, вероятно, подумал, что ослышался или что герцогиня шутит. Но выражение лица Алисы не оставляло сомнений: она говорила совершенно серьезно.

Придворные вокруг замерли. Тишина распространилась от места, где сидела Алиса, со скоростью лесного пожара. Даже король, который не мог слышать её слов, но почувствовал перемену в атмосфере, насторожился. Паж, пятясь и кланяясь, словно перед казнью, засеменил обратно к трону.

Алиса тем временем снова раскрыла веер и принялась лениво обмахиваться, как будто не она только что бросила вызов самой основе королевской власти. Она видела, как король выслушал шепот пажа. Видела, как его брови на мгновение сдвинулись к переносице, а на лице отразилась смесь недоверия и сомнения. Придворные, затаив дыхание, следили за ним. Королева подалась вперед, в её глазах промелькнул первый проблеск надежды. Неужели эта наглая девка перегнула палку? Неужели король наконец прозреет и поставит её на место?

Но Алиса не сводила с короля глаз. Она слегка наклонила голову, и на её губах заиграла та самая, едва уловимая полуулыбка, в которой было обещание всего и ничего одновременно. Она смотрела на него, как на большого, сильного зверя, который, однако, уже давно сидит на цепи, и эта цепь — она сама.

И Генрих дрогнул. Секунда сомнения — и его лицо прояснилось. Он улыбнулся, покачал головой, словно признавая очарование дерзости своей фаворитки, и, повернувшись к одному из слуг, отдал короткий приказ. Затем он снова посмотрел на Алису, и в его глазах было уже не сомнение, а азартное, мальчишеское веселье.

Слуга подал ему тяжелый серебряный кубок, украшенный геральдическими львами, доверху наполненный рубиново-красным вином. Генрих, держа кубок в одной руке, начал свой путь через зал. Это был не просто путь. Это была процессия. Он шел медленно, гордо поднимая

голову, словно нес не вино, а королевский штандарт. Его взгляд был прикован к Алисе. В зале стояла такая тишина, что было слышно, как потрескивают свечи в люстрах.

Он подошел к ней и остановился. На мгновение между ними повисло напряжение. Весь двор, затаив дыхание, наблюдал за этой сценой. Алиса, не отрывая от него взгляда, медленно, с нарочитой небрежностью, отложила веер в сторону. Король, не говоря ни слова, протянул ей кубок. Он не поставил его на стол, не передал слуге. Он вложил его прямо в её узкую, белую ладонь, на мгновение задержав свои пальцы на её, словно закрепляя их тайный союз.

Алиса приняла кубок. Она поднесла его к губам и сделала маленький, медленный глоток, не сводя глаз с короля. Вино было терпким и сладким одновременно. Вино победы. Она чуть опустила кубок и улыбнулась — той самой улыбкой, в которой не было ни благодарности, ни смирения, а лишь холодное, всепоглощающее торжество.

— Благодарю, Ваше Величество, — произнесла она тихо, но в тишине её голос был слышен, кажется, в самых дальних уголках зала. — Вы невероятно любезны.

Король, ослепленный её улыбкой, склонил голову в полупоклоне. В этом жесте не было и тени королевского достоинства. Это был жест признательности слуги, удостоенного похвалы госпожи.

Зал взорвался. Нет, не криками. Тишина, воцарившаяся вокруг, стала еще глубже, еще тяжелее. Она давила на уши, на плечи, на сердца. Все понимали, что произошло нечто непоправимое. Король только что, на глазах у всего двора, поставил себя ниже женщины. Он нарушил все писанные и неписанные законы. И теперь это молчание было похоже на предсмертный хрип старого мира, на мгновение затихшего перед тем, как рухнуть.

Алиса, держа в руке королевский кубок, чувствовала, как в её груди разливается пьянящее тепло, гораздо более сильное, чем от вина. Это было тепло абсолютной власти. Она перевела взгляд на королеву. Маргарет сидела, вся сгорбившись, словно из неё разом вынули все кости. Её лицо было серым. В её глазах больше не было ненависти. В них была пустота и осознание полного, сокрушительного поражения.

Алиса снова обвела взглядом зал, задерживаясь на искаженных лицах других женщин, на побледневших физиономиях придворных, на юном паже, который всё еще дрожал у стены. Вся их ненависть, весь их страх, все их перешептывания — всё это было для неё музыкой. Симфонией, написанной ею самой и исполненной сегодня вечером с безупречным мастерством. Король у моих ног. Осталось лишь склонить головы остальным. Она сделала ещё один глоток вина. Оно было восхитительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.